

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СУБЪЕКТА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ПОСТГУМАНИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ

К. В. Севастов

Современная культура, для которой характерны разнообразие и многогранность, отличается сложной противоречивостью. С одной стороны, современная культура ориентирована на индивидуальные потребности и интересы, что проявляется в развитии личностной культуры; с другой – для нее характерно расшатывание общепризнанных норм и правил, что ведет к тому, что социокультурные ориентиры размываются, а устои, которые стабилизировали бы личность в культурном пространстве, колеблются. Тем самым происходит перенос акцента: идентичность субъекта социокультурной реальности из разряда групповой переходит в статус персональной, потому как индивидуальные особенности субъекта превалируют над социально-групповыми.

Как итог, в современной культуре субъект индивидуализируется, а его идентичность (как результат процесса персональной идентификации) проблематизируется, становясь аксиологически переменчивой, контекстуальной и ситуативной, что в дальнейшем погружает ее в состояние кризиса.

В этом контексте важно оценить состояние идентификационного потенциала субъекта современной культуры, учитывая постгуманистические идеи современной философии.

Для начала необходимо подчеркнуть, что постнеклассическая культура, отказавшись от модернистской модели незыблемой центрированности субъекта в системе социокультурных отношений и взаимодействий, подвергла всю устоявшуюся и структурированную культуру модерна иронии и бесконечному самопересмотру.

Следует также отметить, что в той или иной мере современная постнеклассическая культура относится к традиции как таковой достаточно скептически: либо пересматривает ее, пытаясь найти точку опоры, либо категорически отказывается от нее, ничего не предлагая взамен. Соответственно, традиционный, «классический гуманизм в современном мире и как социальный идеал, и как регулятивный принцип социальных отношений и социальной организации подвергается сомнению, критике и переоценке» [1, с. 81].

Так или иначе, по причине последующего отсутствия какого-либо

культурного производства, уже *постмодернистская* культура, зайдя в тупик, вынуждена была трансформироваться, и для этого ей пришлось вернуться к истокам своего возникновения. Тем самым культура вернула в свой арсенал феномены, от которых изначально отказалась. Но тот самый возврат наделяет *пересмотренные феномены* принципиально новым смыслом.

Так, с переходом к постиндустриальному обществу (и в целом – в так называемой культуре *пост-*) на смену традиционным гуманистическим установкам приходит и *постгуманизм*, который пересматривает и переоценивает отношение не только к субъекту как таковому, но и к его самодетерминации.

Постгуманизм включает в себя такие направления, как:

Критический гуманизм, который опирается на постмодернистские установки культуры и тем самым обосновывает упадок традиционных гуманистических идей.

Неогуманизм, который в своем фундаменте использует концепцию традиционного западного гуманизма, но уже в отношении глобализированного состояния окружающей действительности.

Трансгуманизм, который отталкивается от несостоятельности идей традиционного гуманизма, тем самым сохраняя его основную цель, но уже с учетом научно-технического прогресса.

Исходя из этого, можно проследить произошедшие концептуальные изменения, которые помимо трансформации общегуманистических идей, затрагивают и социокультурный статус субъекта.

Критический гуманизм, который в той или иной мере фундируется постмодернистской составляющей культуры, утверждает временность и, соответственно, обреченность классического гуманизма. Как и *положено* в постмодернистской системе координат, критическим гуманизмом не предлагается никакой альтернативы – он всего лишь фиксирует распад традиционного гуманистического мировоззрения и, как результат, *выпадение* субъекта из культурного поля [2, р. 1–7].

Так, позиция критического гуманизма в отношении субъекта как такового полностью совпадает с постмодернистским его прочтением. А именно: субъект – это *нечто*, которое постепенно превращается в *ничто*, и тем самым провозглашается *смерть человека* (термин М. Фуко). Безусловно, при таком положении вещей, когда кризис культуры реконструирует все культурные составляющие – феномены культуры, идентификационный потенциал субъекта также претерпевает изменения, результатом чего становится не только кризис идентификации, но и кризис идентичности.

Неогуманизм, пытаясь преодолеть последствия общекультурного коллапса, декларирует прямо противоположное суждение в отношении человека, которое пытается вернуть субъекту былую значимость и

подобающее место в матрице культуры.

Так же, как и самоотказ постмодернистской культуры побуждает ее к некоторому возврату к традиции как таковой (пост-постмодерн), так и неогуманизм для своего существования обращается к традиционному гуманизму и берет его за основу своей идеологии. Но с безапелляционным принятием того, что мир в целом изменился до неузнаваемости, и для продуктивности неогуманистического мировоззрения необходимо следовать определенным нравственным принципам, учитывая глобализированное и в целом стремительно развивающееся состояние окружающей действительности, в которое уже возрожденный субъект сможет встроиться и тем самым улучшить не только состояние окружающего мира, но и себя самого [3].

Так, в ситуации, когда культурное ориентирование вновь обращено на субъекта, он получает шанс на *возрождение*, а его идентификационный потенциал, преодолевая кризис, обретает возможность на продуктивную и, что важно, актуальную реализацию.

Тем не менее концептуальный аппарат неогуманизма достаточно абстрактный и носит скорее побудительный характер.

Трансгуманизм представляет собой вершину постгуманистических идей, с одной стороны, и в то же самое время порождает множество противоречий философского (этического, культурно-антропологического, экзистенциального) характера – с другой.

Так, трансгуманистами проповедуется «использование достижений науки и технологии для улучшения умственных и физических возможностей человека с целью устранения тех аспектов человеческого существования, которые трансгуманисты считают нежелательными – страданий, болезней, старения и даже смерти» [1, с. 102].

Безусловно, идеи трансгуманизма раздвинуть границы и тем самым победить (пока что) *непобедимое* и ограничивающее человека оправданы, но концепция трансгуманизма стала обремененной своей отправной точкой – человеком [4, р. 51]. А именно: до сих пор нерешенным остается базовый конфликт взаимодействия человека и биотехнологий, который оставляет без ответа провокационный вопрос – является ли человек, *модернизированный* во имя лучшего существования за счет биотехнологических внедрений, все тем же человеком?..

Тем не менее напрашивается вывод о том, что «трансгуманистические цели противоречат гуманизму, <...> означают гибель человека, замену естественного человека искусственным не-человеком» [5, с. 154]. Из этого следует, что идеи трансгуманизма ведут к тому, что человек перестает быть субъектом; отныне человек – это проект.

Более того, существует и крайне радикальное, но вместе с тем не лишённое логики, предположение о том, что подобное *исчезновение* истинного человека приводит не к чему иному, как к «притворству о

существовании» и, соответственно, к «коллективному притворству» [6, p. 232].

В этой связи формируется обратный конфликт с персональной идентичностью субъекта: *человек-проект* обладает той же идентичностью, что и предшествующий ему *человек-субъект*, а это в свою очередь противоречит базовому принципу уникальности как идентификационного процесса, так и сформированной идентичности.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: объективная оценка идентификационного потенциала современного субъекта напрямую зависит от конкретного постгуманистического представления о человеке и его месте в социокультурной реальности.

Литература и источники

1. Маслова, Е. С. Идентичность и гуманизм в эпоху трансформации / Е. С. Маслова, А. Ф. Поломошнов, П. А. Поломошнов. – Персиановский : Донской ГАУ, 2019. – 222 с.
2. Plummer, K. Critical Humanism: A Manifesto for the 21st Century / K. Plummer. – Cambridge : Polity Press, 2021. – 224 p.
3. Logan, R. Neohumanism: Foundation for a New Society / R. Logan. – Oregon ; Eugene : PROUT Institute Publications, 2018. – 56 p.
4. Krasulja, N. Transhumanism: Influence on the Modern Society and the Working Environment / N. Krasulja, M. Vasiljević-Blagojević, N. Perić, G. Đuretić // Journal of Posthumanism: multilingual peer-reviewed scholarly journal / Ed. Academic Editorial Team. – 2025. – Vol. 5, № 1. – P. 41–53.
5. Емельянова, О. Б. Трансформация идентичности в контексте трансгуманистических технологий / О. Б. Емельянова, Е. С. Маслова, А. И. Растворов // Общество: философия, история, культура : сб. ст. / Сост. В. В. Шалин (гл. ред.) [и др.]. – Краснодар, 2024. – № 8. – С. 147–155.
6. Hughes, J. Transhumanism and Personal Identity / J. Hughes // The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future: collection of essays / Ed. M. More, N. Vita-More. – West Sussex ; Chichester, 2013. – P. 227–233.